

Елена Прищеп

Калининградский областной музыкальный колледж
имени С.В. Рахманинова

Художник и время: Дмитрий Шостакович

Artist and Time: Dmitri Shostakovich

Artysta i czas: Dymitr Szostakowicz

Abstract

The political situation in post-revolutionary Russia sought to limit creative independence. Some of Dmitri Shostakovich's artistic decisions were influenced by censorship and political pressure. Especially in Stalinist Russia, the radicalism of the composer's musical language was contrary to the ideological assumptions of cultural policy. The moral pressure exerted by the authorities on Shostakovich, the arrest of family and friends, and, above all, the press attack arranged by Stalin, forced the composer to give up his current style and compositional technique. A breakthrough in this process was played in 1936 by the critics of the stage of the opera *Lady Macbeth of the Mtsensk District*. Shostakovich's decision to give up Soviet power influenced the search for other means of expression, simplified the musical language and increased its communicativeness, resulting in the formation of the aesthetics of socialist realism.

Keywords: Dmitri Shostakovich, musical esthetics, USSR, Russian culture, socialist realism, repressions, cultural policy.

В истории России 20 века были периоды, когда жизнь и творчество художника полностью зависело от политических взглядов руководства. В эпоху СССР были очень жёсткие рамки цензуры. Независимые и неудобные писатели, поэты, художники, композиторы, «идущие в разрез с линией партии и правительства», лишались возможности публиковаться и исполняться, а порой лишались свободы и даже жизни. От такой политики пострадало множество талантливых людей. Жертвой режима стал поэт Осип Мандельштам. Поэта Исаака Бабеля пытками вынудили признать связь с троцкистами. «Наносили вред делу воспитания нашей молодежи» и стихи Анны Ахматовой, следовательно, «не могли быть терпимы

в советской литературе». Присуждение нобелевской премии писателю Борису Пастернаку воспринималось советской пропагандой как повод для травли поэта. Узником политических репрессий стал писатель Александр Исаевич Солженицын.

Распространенное мнение, будто музыкантов при Сталине не преследовали, - ошибочно. Среди композиторов тоже было немало жертв. «Скажут потом: чего ты боялся? Музыкантов ведь оставляли в покое. На это я должен ответить: Это неправда», - сказал Дмитрий Шостакович¹.

Никакой другой композитор не подвергался в течении всей своей жизни столь последовательному политическому подавлению, как Всеволод Задерацкий. С 1926 по 1939 год он несколько раз был осуждён, и реабилитирован. При этом были уничтожены многие его произведения и ни одно из сохранившихся при жизни никогда не было напечатано и не было исполнено. То, что он физически пережил эпоху сталинизма, похоже на чудо. Сочинение в ГУЛАГе в 1937 году «24 прелюдий и фуг для фортепиано» - это поступок беспримерной смелости и силы духа. Этот цикл - одно из главных сочинений композитора и первый опыт возрождения барочного жанра в XX веке². Ведь Пауль Хиндемит написал свои 12 фуг позже, в 1939 году, а Шостакович в 1951 году.

Дмитрий Дмитриевич помогал репрессированному композитору Александру Веприку, писал письма в прокуратуру о том, что знает его как советского патриота. Музыка Веприка была популярна в Европе и США: его произведения исполнялись по Берлинскому радио, сюитой «Танцы и песни гетто» дирижировал Артуро Тосканини в 1933 году. Веприк не присоединился к коллективному осуждению оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Арестованный как «еврейский националист», с 1950 по 1954 год он отбыл заключение в лагере на Урале³.

Шостакович пытался помочь и арестованному в 1953 году Моисею Вайнбергу. (Мойша или Мечислав, родился в 1939 году в Варшаве, отец - композитор, мать - актриса, они сами в 1916 году переселились из Кишинёва. В 1939 году он окончил Варшавскую консерваторию как пианист по классу Юзефа Турчиньского. С началом войны в сентябре 1939 года он бежал в СССР; его семья, остававшаяся в Варшаве (родители и младшая сестра Эстер), была депортирована в Лодзинское гетто и в дальнейшем погибла в концентрационном лагере Травники. В СССР, из Минска М. Вайнберг был эвакуирован в Ташкент, где познакомился с Шостаковичем. А в 1953 году композитор был арестован в связи с «Делом Врачей». Ходатайство об освобождении Вайнберга написал Дмитрий Шостакович, но освободили его только после смерти И.В. Сталина и впоследствии реабилитировали.

---

¹ С. Волков, *Воспоминания о Дмитрие Шостаковиче*. Berlin 2000, s. 205.

² Я. Немцов, *Я давно уже умер. Композиторы в ГУЛАГе: Всеволод Задерацкий и Александр Веприк*, <http://shalamov.ru/research/61/14.html>.

³ Ibidem.

С советской властью у Шостаковича порой были сложные отношения. Начиная с 30-х годов и до самой смерти Сталина, Шостакович жил под угрозой ареста и гибели. От этого его не могла спасти ни лояльность режиму, ни гениальная одарённость. Не секрет, что в его квартире у порога всегда стоял чемоданчик, на случай если за ним приедут. За ним не приезжали, но морально давили. Сжималось кольцо и вокруг семьи Шостаковича: в 1936 году как “член террористической организации” был арестован муж старшей сестры композитора, видный ученый-физик Всеволод Фредерикс. Сестру Марию сослали в Среднюю Азию, а в конце года в НКВД взяли тещу Шостаковича. Сам Дмитрий Дмитриевич в списках этой организации значился сторонником троцкизма. Среди его друзей был маршал Тухачевский, расстрелянный якобы за попытку убийства Сталина. Тогда Шостаковича допрашивали, и на следующее утро его судьба уже была бы решена, если бы ночью не арестовали... самого следователя.

Всё началось 26 января 1936 года. В этот день Сталин, в сопровождении своих ближайших соратников — В. Молотова, А. Микояна и А. Жданова, посетил постановку оперы “Леди Макбет Мценского уезда” в филиале Большого театра. Как рассказывал Михаил Булгаков: “Белый от страху” Шостакович прискакал в театр, Сталин и его спутники уселись в правительственной ложе. После увертюры он косится на ложу, ожидая аплодисментов, — шиш. После первого действия — то же самое, никакого впечатления”⁴.

В Архангельск весьма суеверный Шостакович уезжал, “со скорбной душой”: он уже понимал, что его опера не пришлась по душе высшему партийному руководству. Но даже он не предвидел размеров и ужасающего эффекта стремительно накатывавшейся на него катастрофы.

Купив главную газету страны, “Правду” от 28 января 1936 года, Шостакович развернул ее и на третьей полосе увидел редакционную статью (без подписи) под заголовком “Сумбур вместо музыки”. В подзаголовке стояло в скобках: “(об опере “Леди Макбет Мценского уезда”)”. Даже и теперь, 80 лет спустя, невозможно читать “Сумбур вместо музыки” без содрогания.

В частности, в статье говорится о том, что музыка Шостаковича «ухает, крикает, пыхтит и задыхается». Прилагательное “левацкий” повторялось четыре раза; автор заиклился на словах “грубо”, “грубый”, “грубейший” — шесть раз; “сумбур”, “сумбурный” — пять раз (включая заголовок). Можно было не сомневаться

в авторстве статьи: это был сам Сталин. В опере обнаружили «формалистическую

---

⁴ «Шостакович в воспоминаниях»; Захаров, Москва, издательство независимая газета., 2002.

сущность», «идеологическую неприемлемость» и полную чуждость народу. Произведение Шостаковича обвинялось одновременно в формализме и натурализме. Под «натурализмом», как правило, понимались излишне откровенные пассажи, в «формализме» обыкновенно упрекали усложненные, по мнению критикующих, чересчур «мудреные» произведения.

Шостаковичу уже и раньше приходилось отбиваться от обвинений в формализме. Ещё в 1935 году в бухаринских «Известиях» он упрямо и весьма вызывающе заявил: «Эти упреки я ни в какой степени не принимал и не принимаю. Формалистом я никогда не был и не буду. Шельмовать же какое бы то ни было произведение как формалистическое на том основании, что язык этого сочинения сложен, иной раз не сразу понятен, является недопустимым легкомыслием...».

Вслед за оперой в газете «Правда» в статье «Балетная фальшь» от 6 февраля подвергся погрому шедший с огромным зрительским успехом в Большом театре балет Шостаковича «Светлый ручей». В этой редакционной статье, хотя написана она несравненно глаже, появившегося десятью днями ранее «Сумбура вместо музыки», также можно отчетливо различить голос Сталина: «Авторы балета — и постановщики, и композитор — по-видимому, рассчитывают, что публика наша нетребовательна, что она примет все, что ей состряпают проворные и бесцеремонные люди»⁵.

«В «Светлом ручье», правда, меньше фокусничанья, меньше странных и диких созвучий, чем в опере «Леди Макбет Мценского уезда». Но Шостакович «удостоился» и третьей статьи в «Правде», это «Ясный и простой язык в искусстве», от 13 февраля.

Три редакционные статьи против одного и того же человека появились в главной газете страны в течение двух с небольшим недель! Как же отнесся к этому Шостакович?

В Архангельске на его концерте, который прошел после атаки в «Правде», публика встретила Шостаковича стоя, бурными овациями. Гром аплодисментов был таков, что композитору показалось, будто обрушился потолок.

Возвратившись из Архангельска, он вел себя внешне невозмутимо, приговаривая: «У нас в семье, когда порежут палец, волнуются, а когда большое несчастье, никто не паникует».

Осознание этих новых правил и было озарением, пришедшим к Шостаковичу в Архангельске в тот роковой день, когда он прочел «Сумбур вместо музыки». Именно поэтому среди первых слов, сказанных Шостаковичем друзьям, встречавшим его по возвращении из Архангельска, были знаменательные: «Не

---

⁵ С. Хентова «Шостакович»; Ленинград; Сов. Комп; 1986.

беспокойтесь. Они без меня не обойдутся”⁶. Это была трезвая и для такого молодого и ранимого человека как Шостакович — совершенно новая оценка ситуации. Ей должна была соответствовать совершенно новая программа жизненного и творческого выживания. Эту программу Шостакович принял на вооружение в 1936 году, а осуществлял потом долго — всю свою жизнь.

В 1948 году выходит постановление ЦК, где осуждались «формалисты», к которым был причислен и Шостакович, и такие известные композиторы как А. Хачатурян, В. Мурадели и С. Прокофьев, Ю. Шебалин, Н. Мясковский. А на Первом Всесоюзном съезде советских композиторов он был обвинен ещё и в «пресмыкательстве перед Западом», и в профнепригодности. Шостакович был лишён звания профессора Московской и Ленинградской консерваторий и изгнан из них. Только через 15 лет он снова начал преподавать. Одним из результатов травли был запрет на исполнение произведений, уже, к тому времени, всемирно известного композитора.

Шостакович всегда прислушивался к критике, звучавшей в его адрес, публично благодарил и обещал исправить недостатки. Современники, знавшие его близко, утверждали, что он рассуждал примерно так: зачем лезть на рожон, если потомки все равно будут знать о тебе по музыкальным произведениям? В силу такой «принципиальной мягкости характера» он выступал на партийных пленумах и говорил с трибуны то, что от него требовали. Эти слова не только полемизировали с его творчеством, но и шли вразрез с самой его жизнью. Таково мнение многих людей, знавших Д. Шостаковича лично.

Его избирали депутатом Верховного Совета СССР, с 1960 по 1968 год он возглавлял Союз композиторов РСФСР, был секретарем правления Союза композиторов СССР. Он первым среди музыкантов стал Героем Социалистического Труда, был членом КПСС и беспрекословно следовал ее указаниям.

Д.Д. Шостакович пользовался огромной известностью в мире. Он являлся почетным доктором музыки Оксфордского и Эвертонского Северо-Западного университетов. Был членом Французской и Баварской академий изящных наук, Английской и Шведской Королевских музыкальных академий, академии искусств «Санта-Чечилия» в Италии и т.д. Все эти международные награды и звания говорят об одном — всемирной славе величайшего композитора XX века.

---

⁶ Журнал “Юность”, 1989, nr 2, s. 84.

Streszczenie

Sytuacja polityczna w porewolucyjnej Rosji nie sprzyjała twórczej niezależności. Kompozytor Dymitr Szostakowicz część swych decyzji artystycznych podejmował pod wpływem cenzury i nacisków politycznych. Zwłaszcza w stalinowskiej Rosji radykalizm języka muzycznego kompozytora był sprzeczny z ideologicznymi założeniami polityki kulturalnej. Moralna presja wywierana przez władze na Szostakowicza, aresztowania rodziny i przyjaciół, a przede wszystkim zaaranżowany przez Stalina atak prasowy zmusiły kompozytora do rezygnacji z dotychczasowego stylu i techniki kompozytorskiej. Przełomową rolę w tym procesie odegrała w 1936 roku krytyka przedstawienia opery *Lady Makbet mceńskiego powiatu*. Decyzja Szostakowicza o ustąpieniu władzy sowieckiej wpłynęła na poszukiwania innych środków wyrazu, uprościła muzyczny język i zwiększyła jego komunikatywność, wpływając w rezultacie na kształtowanie się estetyki realizmu socjalistycznego.

Słowa kluczowe: Dymitr Szostakowicz, estetyka muzyczna, ZSRR, kultura rosyjska, realizm socjalistyczny, represje, polityka kulturalna.